

РЕЛИГИОЗНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

Справедливо сравнивают лицо живого народа с огнезарным солнцем: оно всем видно, но его нельзя разглядеть. Однако не следует желать, чтобы непрозрачное мимолетное облако смягчило бы ослепительный свет этого солнца — лучше сделать настойчивую попытку взглянуть защищенными глазами в его яркую поверхность и присмотреться терпеливо и к его высотам и к его низинам, к его светлым пространствам и к его пятнам. Душа великого народа есть всегда мозаичная ткань, ажурная и многоцветная. Никогда нельзя давать однородную окраску тому национально-психологическому явлению, которое представляет собою целый радужный спектр. На громадной вращающейся сцене всемирно-исторического театра народ вырисовывается то одной, то другой своей индивидуальной гранью. Исторические снимки с этого подвижного оригинала должны давать тонкую и бережную светотень. Особенно трудно соблюсти это первостепенное общественно-психологическое требование, когда народ духовно-богатый и сильный, переживает, подобно народу русскому, мучительно-кошмарную ступень своего духовного роста. Тогда трудно наблюдателю избгнуть одной нравственно-оптической ошибки: все недужное и преступное прежде всего бросается в глаза, застилает горизонт и врывается в память.

Я позволю себе по этому поводу одно сравнение, чисто медицинское: бывает, что клиническая картина представляется неопытному взору безпросветно-удручающей; больной весь горит, бурно бредит, из-

можденное тело все трепещет, как будто в предсмертных содроганиях и тем не менее хороший врач уверенно говорит, что разрушительный яд уже пошел на убыль, что свершился спасительный кризис и что скоро дело пойдет, медленно, но верно, к выздоровлению...

Так именно и случилось с нашей родиной: страшные самоубийственные соблазны большевизма извданы ею до дна; вся широта кощунственного дерзания и вся глубина нравственного падения стали горьким временным удлом многих и многих ее сынов. Суровый закаляющий опыт пережить русским народом не напрасно. Ложный коммунизм с его людоедским террором, соглядатайствующей опекой и назойливым властолюбием выявил себя до конца в своей неприглядной наготы. «Коммунизм», доведенный до чудовищной карикатуры, пресытил дух большевизма и тем убил его. «Коммунизм» — явление совершенно чуждое душе русского народа, наносное и поверхностное. Большевизм же — исконная глубокая черта нашей национальной психологии. Эта нкоторая безудержная и прямо-анархическая безмерность, это разрушительная страсть, которая загорается бурными вспышками, если не испепеляющими, то обжигающими... Когда былинный Илья Муромец в отместку за неприглашение князем Владимиром на очередной пир стреляет из лука богатырского по церковным куполам и крестам — это лютое озорство старшего и доброго витязя выражает полностью дух большевизма. Василий Буслаев, невбрующийся

«ни въ сонѣ, ни въ чохѣ, ни въ птичій грай» пророчески предвѣщаетъ цѣликомъ иныя совѣтскія антирелигіозныя настроенія. Однако, русскіе Савлы-гонители нерѣдко становятся совершенно искренно Павлами-поборниками. Этотъ покаянный драматизмъ нравственнаго перелома, порою мучительно-болѣзненнаго, еще ждетъ въ Россіи своего историка, чуткаго и памятливаго.

* * *

При своемъ послѣднемъ посѣщеніи Ясной Поляны Тургеневъ сказалъ Толстому такія, почти пророческія слова:

— Вотъ лѣтъ черезъ десять будемъ мы съ вами Левъ Николаевичъ, если доживемъ, сидѣть благодушествуя за чаемъ на всрандѣ здѣсь или у меня въ Спасскомъ — вдругъ увидимъ, что отъ воротъ усадьбы направляется къ намъ порядочная толпа крестьянъ. Мужички подойдутъ къ намъ вплотную и на привѣтливый вопросъ барскій: «Что вамъ, братцы, угодно?» отвѣтятъ съ нѣкоторой заминкой, потоптавшись на мѣстѣ и почесавъ въ затылкахъ: «Да вотъ вышелъ стало быть отъ схода сельскаго приказъ, чтобы значить тебя, Иванъ Сергѣевичъ, повѣситъ, да за одно ужъ и господъ всѣхъ энтихъ. Да ты не подумай, что мы безбожники какіе, ты спервоначалу помолись, а потомъ мы всѣхъ васъ и вздернемъ для порядку.

Таковъ, дѣйствительно русскій мужикъ въ его противорѣчивыхъ психологическихъ возможностяхъ, въ его добровольномъ рабствѣ передъ властями, хотя бы самозванными. Тургеневъ — неутомимый печальникъ русскаго пахаря и знатокъ его быта, намѣтилъ однако опрометчиво не только времена и сроки, но оказался не совсемъ дальновиднымъ и относительно очень существенныхъ сторонъ крестьянской души. Авторъ «Записокъ охотника» мудро предъугадалъ безвольную пассивность русскаго мужика передъ пореволюціонными хозяевами положенія, но не учелъ между прочимъ той безтревожной легкости, съ которой нашъ земледѣлецъ временно отвыкаетъ отъ вѣковыхъ религіозныхъ традицій: молиться обреченнымъ помѣщикамъ обычно вовсе не полагается. Такъ не пришлось бывшему императору и его семьѣ пережить послѣднее религіозное утѣшеніе: между провозглашеніемъ нежданнаго приговора и самой казнью прошло лишь нѣсколько секундъ.

При разгромѣ барскихъ усадебъ и са-

мочинной расправѣ съ ихъ хозяевами въ стихійно-разрушительный періодъ русской революціи какъ будто совсѣмъ позабылись всѣ наслѣдственные навыки богобоязненной совѣсти. Достоевскій говоритъ бесконечно горькую правду, но несомнѣнную правду, когда рассказываетъ, что одинъ крестьянинъ совсѣмъ не бѣдный, соблазненный внезапно «серебряными часами своего пріятеля-односельчанина «наконецъ не выдержалъ: взялъ ножъ и, когда товарищъ отвернулся, подошелъ къ нему осторожно сзади, намѣтился, *возвелъ глаза къ небу, перекрестился и проговорилъ про себя съ горькой молитвой: Господи, прости ради Христа, нанеси своему другу смертельный ударъ въ спину...* Есть какой-то страшный пророческій символизмъ въ этой неизгладимой сценѣ! Буквально такъ поступили съ помѣщиками, и безобидными и любимыми, въ аграрное движеніе 1905 и послѣдующихъ годовъ — иногда молились вмѣстѣ съ ними и потомъ убивали. Революція 1917 года въ своемъ огненномъ ураганномъ дувовеніи какъ будто низвергла и испепелила сразу тотъ алтарь Невѣдомому Богу, который признавалъ въ душѣ русскаго народа даже К. П. Побѣдоносцевъ. На первый взглядъ сразу наступила психологическая полоса безтревожнаго невѣрія. Была какая-то пьянящая прелесть новизны для многихъ и въ кощунственномъ задорѣ, На патриотическомъ маякѣ свѣтъ очень скоро погасъ. Въ наступившей навремя кромѣшной нравственной тьмѣ стали вспыхивать и дымить отравляющимъ чадомъ разные болотные огоньки. Огромная лавина разложившейся арміи несла съ собой въ деревни страшный ядъ богорбческаго озорства и дикарскаго анархіи. Близорукій стяжательный экономизмъ сдѣлался идоломъ дня. Грабительская тяга къ чужой землѣ, слѣпая зависть къ всѣмъ имущимъ и злопамятная мстительность къ тѣмъ, кто былъ вчера грознымъ и сильнымъ — замѣнили на время всѣ религіозно-общественныя устои у крестьянскаго большинства.

Эта кошмарная ступень общенароднаго духовнаго роста теперь уже почти полностью преодолѣна. Болѣзнь большевизма входила пудами, а выходитъ золотниками. Отрезвленіе и покаяніе медленно, но неуклонно наступаютъ. Горькое и трагическое разочарованіе въ большевизмъ, принесло съ собой нравственный опытъ, цѣлебный и закаляющій. Вмѣстѣ съ возвратомъ къ скромному земледѣльческому

труду у крестьянства стали понемногу воскресать старые, но нестарѣющіе религиозно-бытовые завѣты. Еще далеко до стройнаго и цѣлостнаго выявленія обновленнаго и углубленнаго жизнепониманія, но разрушительные человѣконенавистническіе лозунги не привлекаютъ уже людей зрѣлыхъ и искушенныхъ. Все чаще взрослые крестьяне заступаются за сельское духовенство противъ неистовыхъ комсомольцевъ, все чаще отстаиваются представителями старшаго поколѣнія церковныя формы крестинъ, свадебъ и похоронъ, все чаще звучитъ рѣшительный протестъ противъ распада семьи... Последняя сессія ВЦИК, смѣло забраковавшая законопроектъ правительства о половой свободѣ, безпримѣрно-краснорѣчивый показатель кореннаго народно-психологическаго сдвига...

* * *

Весною 1922 года я былъ приглашенъ петроградскимъ Политпросвѣтомъ участвовать въ диспутѣ на тему «Христосъ и антихристъ». Уговорили меня обѣщаніемъ, что всѣ докладчики будутъ не-марксистскаго направленія и что возможность высказыванія религиозно-идеалистическихъ взглядовъ мнѣ обезпечивается. Обширный залъ Peter-Schule былъ переполненъ. Цензурный деспотизмъ чувствовался слабѣе, чѣмъ обыкновенно благодаря добродушно-нейтральному председателю. Публика за единичными исключеніями «безпартийная» слушала всѣхъ докладчиковъ съ большимъ умственнымъ интересомъ. Я сдѣлалъ въ своей рѣчи попытку критически сопоставить религиозно-философскія воззрѣнія В. С. Соловьева и Л. Н. Толстого, т. е. развитъ ту самую тему, по поводу которой два года спустя въ Ростовѣ-на-Дону областной цензоръ товарищъ Юффе мнѣ внушительно молвилъ: «Подобная лекція вамъ ни въ коемъ случаѣ разрѣшена быть не можетъ. Совершенно незачѣмъ эту благочестивую метафизику разводить. Если бы Толстой и Соловьевъ были теперь бы живы — мы бы ихъ обоихъ повѣсили». На этотъ же разъ я договорилъ безвозбранно до конца все, что хотѣлъ, при явномъ сочувствіи снисходительной публики. По окончаніи моей рѣчи мнѣ была подана въ числѣ другихъ такая вопросительная записка: «Не антихристъ-ли Ленинъ?» Возможно, конечно, что любознательность невѣдомаго автора была на этотъ разъ отчасти провокаціонной въ силу партійнаго долга.

12 мая 1924 въ Вятскомъ городскомъ театрѣ состоялась моя публичная лекція съ диспутомъ на тему: «Христосъ жилъ или нѣтъ?» Партійный коммунистическій комитетъ Вятки мобилизовалъ для сокрушенія меня самыхъ бойкихъ рѣчистыхъ и язвительныхъ сочленовъ. Эта сомкнутая фаланга испытанныхъ бойцовъ, обязана была безпощадно разстрѣлять меня изъ словесныхъ пулеметовъ. Всѣ недочеты логическаго вооруженія и научной тактики должны были возмѣститься беззавѣтной храбростью. Наплывъ слушателей былъ очень великъ; и настроеніе ихъ большинства оказалось сразу очень поднятымъ. Послѣ моего страннаго вступительнаго слова начался церемониальный маршъ присяжныхъ «антирелигиозниковъ», вѣрнѣе лихая джигитовка марксистскихъ наѣздниковъ. Около двухъ часовъ они мелькали предо мною какъ на кинематографическомъ экранѣ.

* * *

Извѣстная драматическая артистка, недавно закончившая гастрольную поѣздку по Россіи, говорила мнѣ въ Берлинѣ: «Я ни въ чемъ не могу пожаловаться на совѣтскую публику — она отзывчива и чутка, несмотря на то что я выступала почти исключительно въ старомъ репертуарѣ. Приходилось только мнѣ мириться съ тѣмъ, что въ сценахъ молитвъ непременно послышится смѣхъ одного или нѣсколькихъ комсомольцевъ». Я къ этому привыкла и не ставила такіе единичные диссонансы въ вину всей публикѣ. Добавлю отъ себя, что за семь лѣтъ мнѣ при поѣздкахъ по совѣтской Россіи случалось довольно много посѣщать театры, приглядываясь и прислушиваясь при этомъ къ публикѣ — этому чувствительнѣйшему барометру для всего общественно-психологическаго уклада страны. Мнѣ не случилось ни разу видѣть на лицахъ зрителей насмѣшливыя улыбки тогда, когда воспроизводились отдѣльные моменты религиознаго подъема или когда изображалось цѣлое богослужебное дѣйствіе — наоборотъ въ театральномъ залѣ мнѣ чудилось тогда наступленіе какой-то торжественной и словно смущенной тишины. Съ напряженнымъ вниманіемъ слушала русская публика пореволюціонныхъ годовъ заключительныя сцены «Власти тьмы», «Грозы», «Царевича Алексѣя» и другихъ излюбленныхъ пьесъ. Картина покаяннаго экстаза, столь родственная и понят-

ная донинѣ русской душѣ, имѣеть и въ совѣтской Россіи все тотъ же наглядный и захватывающій успѣхъ. Большевики позаботились о значительномъ сокращеніи въ театральномъ обиходѣ морально-здороваго матеріала, насыщеннаго религіознымъ идеализмомъ, тѣмъ не менѣе трагическая красота молитвеннаго воодушевленія не чужда порою и пьесамъ новѣйшаго происхожденія. Особенно характерна въ этомъ смыслѣ большая обстановочная драма «Царь всея Руси», рисующая эпоху Іоанна Грознаго. Я видѣлъ это, далеко не бездарное произведеніе въ Архангельскѣ осенью 1924 года и черезъ три мѣсяца въ зарубежномъ Ревелѣ. Какъ исполнители такъ и публика гораздо болѣе понравились мнѣ въ Архангельскѣ, чѣмъ въ русскомъ театрѣ эстонской столицы. Религіозно-психологическіе моменты на совѣтской сценѣ были выявлены болѣе ярко, болѣе тепло и болѣе художественно, чѣмъ на сценѣ заграничной. Когда умирала царица Анастасія Романовна въ Архангельскѣ на сцену выходили монахи и превосходно пѣли «со святыми упокой» по Турчанинскому. Этотъ наивный анахронизмъ ни у кого не вызвалъ насмѣшливыхъ улыбокъ и расхолаживающихъ замѣчаній — всѣ зрители (а смотрѣлъ я эту пьесу въ Архангельскѣ шесть разъ) сидѣли благоговѣнно — тихо и многіе при томъ со слезами на глазахъ... Въ Ревелѣ какъ эта величаво-трагическая картина, такъ и нѣкоторыя другія были режиссерами выпущены, чтобы не волновать крайнихъ монархистовъ — церковниковъ...

* * *

На ѳоминной недѣлѣ 1921 года въ обширномъ залѣ при 1-ой Государственной типографіи въ Петербургѣ былъ назначенъ Политпросвѣтомъ очередной докладъ на антирелигіозную тему. Обильная публика, по преимуществу фабричная, держалась выжидательно-спокойно. Референтъ, молодой человекъ во фрэнчѣ защитнаго цвѣта, нѣсколько злоупотребляющій иностранными словами, быстро и увѣренно произнесъ вступительную рѣчь, какъ хорошо напѣтую грамофонную пластинку. Всѣ религіи были всегда обманомъ жрецовъ и правителей, порожденіемъ экономического рабства. Наступающая въ недалекомъ будущемъ всемірная пролетарская революція окончательно уничтожить этотъ опиумъ для народа, Христосъ никогда не существовалъ и пытаться теперь

воскресить его наивную легенду — совершенно бесполезно. Тѣмъ, чѣмъ хотѣли сдѣлать для народовъ фантастическаго Христа, тѣмъ скоро станетъ для нихъ реальный Ленинъ. Предсѣдатель счелъ цѣлесообразнымъ «подытожить» докладъ «какъ выраженный слишкомъ культурно» и пересказать его тѣмъ «упрощеннымъ» языкомъ, которымъ въ свое время военноветеринарные фельдшера объясняли солдатамъ ковку лошадей.

— Такъ что вы всѣ видите, товарищи, что замѣсто Пасхи поповской все человечество станетъ въ скорости праздновать пасху безбожную, пасху революціонную. Это экстренно свершится силами пролетариата!

Раздались единичные аплодисменты. Предсѣдатель повидимому склоненъ былъ усматривать симптомъ благопріятный въ томъ, что народъ безмолвствуетъ. Долженъ сознаться, что и для меня, довольно опытнаго наблюдателя, настроеніе собравшихся не было яснымъ. На лицахъ иныхъ рабочихъ змѣилась какая-то лукаво-уклончивая иронія. Другіе были сосредоточенно грустны.

— Предлагається, товарищи, всѣмъ желающимъ брать слово для дискуссіи насчетъ антирелигіозности, а, кто значить еще вѣрующій, можетъ заявить свое направленіе.

— Мнѣ разрѣшите выступить? — спрашиваетъ изъ послѣдняго ряда старичокъ-священникъ съ блѣднымъ исхудалымъ лицомъ. Въ публикѣ движеніе — большинство оборачивается назадъ и оживленно переговаривается. Волна тревожнаго любопытства пробѣгаетъ по залѣ.

— Конечно, гражданинъ — пожалуйста на эстраду — милостиво отвѣчаетъ предсѣдатель. Только прошу васъ не отвлекаться отъ темы и говорить вообще не болѣе десяти минутъ.

— Мнѣ достаточно и двухъ минутъ

— Такъ сдѣлайте одолженіе — любезно улыбается президентъ по назначенію. Священникъ поднимается неторопливо на кафедру, дѣлаетъ поклонъ собранію и приноситъ спокойно-увѣренно:

— Христосъ воскрес!

— Воистину воскрес! громовымъ аккордомъ отвѣчаетъ ему немедленно явно-подавляющее большинство аудиторіи. Батюшка поворачивается послѣдовательно направо и налево, повторяя свое пасхальное привѣтствіе, и публика, не менѣе дружно, ему откликается тѣмъ же хоровымъ подтвержденіемъ.

— Я все сказалъ — заявляетъ председателю скромный оппонентъ и къ великому смущенію растеряннаго президіума, возвращается на свое мѣсто.

Минутная пауза. Аудиторія вдругъ разражается бурными рукоплесканіями. Оживленіе умственной игры начинается у многихъ свѣтиться въ глазахъ. Атмосфера быстро насыщается грозovýmъ электричествомъ. Председатель, чтобы парализовать убійственное для партійныхъ цѣлей впечатлѣніе, спѣшитъ выпустить самага надежнаго пропагандиста.

Этотъ неограниченный алмазъ оказывается болѣе твердымъ, чѣмъ острымъ, когда идетъ рѣшительно напроломъ.

— Товарищи! Вполнѣ даже это натурально, что промежъ васъ находятся многіе такіе несознательные элементы, которые отрубаютъ зазубренные отвѣты, какъ бывлые царскіе солдаты свое холопское «такъ точно!» Дурманъ религіозный въ томъ и заключается, что человѣкъ съ давняго перепугу держитъ руки по швамъ, и повторяетъ только то, что въ него вдолбили. Пролетарская же революція раскрѣпощаетъ, такъ сказать, человѣческіе мозги досконально...

— Знаемъ какъ вы мозги раскрѣпощаете, какъ вы ихъ пулями у стѣнокъ изъ головъ вышибаете — несутся изъ разныхъ мѣстъ аудиторіи дерзновенные возгласы. они вспыхиваютъ и гаснутъ, какъ вѣщія зарницы. Хочется думать, что эти разрозненныя искорки когда-нибудь сольются въ одну очистительное пламя. Хочется вѣрить, что Россія незлопамятная и великодушная, тогда «вся проститъ воскресеніемъ»...

* * *

Моя ученица по высшимъ женскимъ курсамъ, служившая воспитательницей въ одномъ изъ дѣтдомовъ, рассказывала чрезвычайно характерныя подробности переѣзда ихъ заведенія на новоселье... Реквизированный барскій особнякъ сохранялъ немало предметовъ до-революціоннаго религіознаго быта. Обширные хоромы были украшены, если не подлинниками, то хорошими копіями съ различныхъ шедевровъ христіанскаго искусства. Было приказано въ первый же день произвести во всемъ помѣщеніи коренную антирелигіозную дезинфекцію при участіи всѣхъ воспитанниковъ. Человѣкъ въ кожанной курткѣ собственоручно расплющилъ какимъ-то особымъ молотомъ дра-

гоцѣнную серебрянную лампаду тончайшей ажурной работы, выбросилъ изъ кіота и растопталъ пальмдвую «вѣтку Палестины», разорвалъ въ мелкіе клочья роскошное изданіе Требника и велѣлъ пустить на обертку большія гравюры Дорэ... Старшіе дѣти угрюмо молчали. Малыши повторяли шепотомъ, заливаясь слезами: «Боженъка не обижайся, Боженъка прости»...

* * *

Въ 1919 году управленіемъ «государственныхъ академическихъ театровъ» было поднятъ вопросъ о постановкѣ на Александринской сценѣ трагедіи Д. Айзмана «Свѣтлый богъ». Это лубочно-тенденціозная пьеса изъ арабской жизни IV вѣка совершенно недостойна такого талантливаго писателя, какъ покойный Айзманъ.

Была образована особая коммиссія, которая и обсуждала взволновано и страстно вопросъ о томъ «ставить или не ставить» ударную антирелигіозную пьесу, основная мысль которой въ томъ, что легенду о воскресеніи великаго пророка, создаютъ и распространяютъ обычно галлюцинизирующія его поклонницы. Старые присяжные театралы предсказывали, что пьеса, имѣющая всѣ данныя для вѣшняго сценическаго успѣха, окажетъ на широкіе круги неподготовленной публики вліяніе самое растлѣвающее. Сторонники новыхъ матеріалистическихъ теченій увѣряли, что по революціонный зритель—не дитя малое, нуждающееся для правильнаго умственнаго питанія въ постоянной указкѣ ворчливой нянюшки. Ошиблись и тѣ и другіе.

На первомъ же предствленіи «Свѣтлый богъ» провалился такъ недвусмысленно и такъ скандально, что ее пришлось немедленно снять съ репертуара. Большевицкіе клакеры при всемъ своемъ продажномъ усердіи ничего не смогли смягчить и загладить. Между тѣмъ роли были распредѣлены среди лучшихъ представителей александринской труппы.

* * *

Мученическая судьба митрополита Веніамина и трехъ его достойныхъ сподвижниковъ много способствовала проясенію религіознаго сознанія у русскаго народа.

Истинный священикомученикъ XX вѣка митрополитъ Веніаминъ донынѣ, какъ

живой стоит передо мной. Какъ и у патриарха Тихона, у него не было внѣшней величественности и ослѣпительнаго блеска — ничего яркаго и показнаго, ничего рассчитаннаго и преднамѣреннаго — все спокойно и просто, вдумчиво и безшумно. Митрополитъ Веніаминъ былъ замѣчательно-цѣльный и гармонически-последовательный человекъ безъ позы и фразы. Первый разъ мнѣ пришлось видѣть этого замѣчательнаго архипастыря на празднованіи столѣтняго юбилея Петербургскаго Университета 8 февраля 1919 года. Университетскій домовый храмъ тогда еще не былъ уничтоженъ, но религиозный элементъ торжества пришлось свести почти къ нулю: ни провозгласить вѣчную память императору-основателю Александру Первому, ни отслужить торжественный молебенъ, было невозможно. Однако, старые, но нестарѣющіе идеалы христіанской культуры много разъ напоминали о себѣ во все время юбилейной программы. Нѣжнымъ и цѣломудреннымъ ароматомъ подлиннаго религиознаго идеализма вѣяло отъ нѣкоторыхъ грустно-праздничныхъ привѣтствій, обращенныхъ къ Университету, такъ адресъ одного родственнаго учрежденія заканчивался очень смѣлыми строками: «безъ свободнаго слова нѣтъ просвѣщенія, нѣтъ научнаго творчества — недаромъ и въ Евангеліи сказано: въ началѣ было Слово.»

Печальную картину представлялъ собою актовъ залъ, наполненный зваными и незваными посѣтителями. Унылый сѣрый фонъ голоднаго безвременья и запуганнаго безправія отражался и на тусклыхъ изможденныхъ лицахъ, на убогихъ невзрачныхъ костюмахъ. Горькимъ прозаическимъ диссонансомъ прозвучало уже вступительное слово ректора: «Трудно отдать праздничному настроенію тогда, когда каждый думаетъ прежде всего о удовольствіи...» Сумрачно и неуютно было въ обширномъ актовомъ залѣ несмотря на обиліе яркихъ декорирующихъ тканей у его стѣнъ, несмотря на блистательный транспарантъ съ изображеніемъ университетскаго фасада въ 1819 году, замѣстившей царскіе портреты.

Въ первомъ ряду почетныхъ посѣтелей рельефно выдѣлялась скромно-величавая фигура митрополита Веніамина въ бѣломъ клобукѣ. Весь его, единственный въ своемъ родѣ четкій обликъ сразу привлекалъ вниманіе и напоминалъ наглядно о мірѣ цѣнностей совершенно иныхъ, нерушимыхъ и нетлѣнныхъ. Черезъ про-

ходъ отъ митрополита сидѣлъ его полный антиподъ Анатолій Луначарскій. Когда большевицкій министръ просвѣщенія поднялся на кафедру для произнесенія своей, льстиво-угодливой по адресу профессуры, рѣчи — владыка Веніаминъ смотрѣлъ на него съ какимъ-то кроткимъ и незлобивымъ презрѣніемъ. Точно Христосъ Іудѣ онъ безмолвно «говорилъ ему: «То, что дѣлаешь, дѣлай скорѣе». Такъ стояли другъ противъ друга геній свѣта и геній тьмы, одинъ спокойный, молчаливый и беззлобный — другой тревожный, многорѣчивый и язвительный...

— Мнѣ кажется, что на лицѣ митрополита Веніамина написана какая-то мученическая обреченность — онъ уже ничему не удивляется и ни противъ чего не кипитъ ненавистью, сказалъ я моему сосѣду по креслу на эстрадѣ профессору.

— Нѣтъ, отчего же, возразилъ мнѣ профессоръ, Веніаминъ увѣренно сознаетъ, что будущее принадлежитъ его Богу, а не богу Луначарскаго. Его сдержанность гораздо краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ суетливая болтовня «наркомпроса». Митрополитъ съ законной гордостью сознаетъ, что на академическомъ праздникѣ онъ неизмѣримо умѣстнѣе, чѣмъ этотъ арлекинъ отъ марксизма...

Второй разъ мнѣ пришлось пережить свѣтлое морально-эстетическое впечатлѣніе отъ встрѣчи съ праведнымъ святителемъ Веніаминомъ въ Царскомъ Селѣ 13 сентября 1921 года. Онъ служилъ торжественную крестопоклонную всенощную въ обширномъ красивомъ соборѣ. Празднично сіяли великолѣпныя паникадила. Живо-творящій крестъ Христовъ былъ украшенъ розами «осенними, грустными, послѣдними розами». Митрополитъ въ царственно-роскошномъ кованномъ облаченіи медленно обходилъ иконы съ кадиломъ, издававшимъ какой-то особенный печально-мелодичный звонъ при каждомъ тихомъ взмахѣ. Поспѣшно и почтительно разступалась передъ архипастыремъ толпа, въ которой было много и красноармейцевъ и людей «коммиссаровскаго вида». Превосходно, умирительно-художественно пѣлъ огромный хоръ. Я стоялъ въ послѣднемъ ряду и думалъ, что, точно по слову Гете, Богъ всегда являлся русскимъ людямъ въ ризахъ печали, что только пережитое страданіе обращало сердца ихъ къ небу. Царскосельскій соборъ въ этотъ поэтически-цѣлебный вечеръ былъ истиннымъ живительнымъ оазисомъ среди рус-

ской нравственной пустыни одичанія, отупленія и оскудненія...

15 сентября утром митрополитъ въ сопровожденіи духовенства пришелъ пѣшкомъ къ утреннему поѣзду на Петербургъ. Вокзалъ былъ совершенно переполненъ. Мѣста въ убогихъ вагонахъ третьяго класса брались съ боя. Блѣдное утомленное лицо владыки Веніамина было безропотно-спокойно. Подошелъ поѣздъ, уже въ Павловскѣ достигшій предѣльной перенагрузки. Бурливая толпа разступилась, какъ Черное море, и пропустила митрополита съ его спутниками къ вагону. Я такъ засмотрѣлся на эту безпримѣрную сцену, что самъ въ поѣздъ совсѣмъ не попалъ.

Послѣдній разъ мнѣ посчастливилось взглянуть на обаятельнаго архипастыря уже незадолго до его ареста, когда онъ служилъ на Радоницѣ обѣдню въ соборной Церкви Смоленскаго кладбища. Никогда не забуду той плѣнительной ласковой улыбки, съ которой митрополитъ взглянулъ на пестрый цвѣтникъ жизнерадостной дѣтвора, тѣснившейся на лѣвомъ клиросѣ. Малыши своимъ робкимъ щебетаніемъ не помѣшали взрослому слушать безыскусную, но глубокую проповѣдь владыки. Говорилъ онъ, задушевно и просто, о томъ, что людямъ вѣрующимъ необходимо поддерживать и совершенствовать въ душѣ неразрывную связь религіозно-нравственную съ дорогими умершими, а не только ухаживать за ихъ могилками, что эта благодатная связь является наилучшимъ залогомъ для насъ того, что священное прошлое не умретъ, не померкнетъ и не утратитъ своей живоносной возрождающей силы.

Особенно отрадно вспомнить этотъ звѣтъ святителя теперь, когда терновый путь пройденъ имъ безтрепетно до конца. Могила священномученика Веніамина намъ не найти и ей не поклониться — тѣмъ важнѣе сохранить навсегда въ памяти отчетливымъ и не тускнѣющимъ его истинно-христіанскій духовный обликъ. Онъ безконечно нуженъ намъ для нашего покаенія и очищенія.

* * *

Только что получилъ драгоценное письмо съ оказіей отъ стараго друга въ Петербургъ. Этотъ, далеко неувлекающійся и зорко-наблюдательный человекъ еще недавно былъ настроенъ довольно пессимистически и повторялъ уныло, что «пока солнце взойдетъ — роса глаза выѣстъ». Теперь онъ пишетъ мнѣ въ страстной понедѣльникъ 13/20 апрѣля: «Только 12 лѣтъ тому назадъ встрѣчалъ я Пасху въ такомъ свѣтломъ жизнерадостномъ настроеніи, какъ нынѣшнюю. Вы знаете мою трезвую осторожность и мое предубѣжденіе противъ всякихъ быстрыхъ и упительныхъ предсказаній. И вотъ теперь я первый вамъ убѣжденно скажу, что на безбожномъ фронтѣ наши властители бьютъ поспѣшно и испуганно отбой. Переговоры о совѣтизаціи церкви окончились жесточайшимъ крахомъ. Живоцерковники провалились вездѣ такъ позорно и такъ безнадежно, что внушаютъ мнѣ даже нѣкоторую брезгливую жалость — злобно хохотать надъ ними мнѣ болѣе не хочется. Здоровое и искреннее религіозное чувство повсемѣстно растетъ и крѣпнетъ. Вѣрующіе не только забойкотировали на смерть всѣхъ обновленцевъ, но очень хорошо и крѣпко объединились сами. Большевики не закрываютъ глазъ на эту смертельную для себя опасность и впадаютъ въ тонъ такого отчаянія, какого у нихъ до сихъ поръ никогда не было... Вы, можетъ быть, скажете изъ Парижа, что это пятый актъ революціонной драмы, который, какъ у Ибсена, можетъ еще самъ растянуться на цѣлыхъ пять актовъ, а я вамъ отвѣчу отсюда, что это — по меньшей мѣрѣ предпоследняя картина пятаго акта... Великъ Богъ земли русской и превозмогаетъ. Наконецъ-то мы становимся достойны Его милости...»

Валентинъ Сперанскій

Парижъ
7 мая 1926 года.